

Трагедия

Лес смерти у Дороги жизни

Наш земляк побывал на одном из вероятных мест гибели Николая Гумилёва

Поэт, создатель школы акмеизма, прозаик, переводчик, литературный критик, путешественник, исследователь, герой Первой мировой войны... Последний романтик Серебряного века Николай Гумилёв расстрелян 26 августа 1921 года – сто лет назад. Реабилитирован в 1992-м. Как доказали современные историки, поэт не просто был непричастен к заговору «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева» – сам этот заговор, за участие в котором арестованы 833 человека и убиты 103 (95 расстреляны, восемь погибли при задержании), был сфабрикован ЧК. Попросту говоря, заговора не было.

«Место расстрела Гумилёва видно из моего окна. Где-то на горизонте, на расстоянии четырёх километров», – написал из Санкт-Петербурга мой старый друг Михаил Иванов, бывший магнитогорец. Живёт в районе Новой Охты, на проспекте Маршак. Вскоре после нашего разговора о Гумилёве отправился в Ковалёвский лес – давно собирался. А я попросила поделиться фотографиями и впечатлениями с читателями «ММ».

После долгого молчания в ответ на вопрос, когда же пришлёт материал, Миша сказал: «Не будет статьи... Вот про всё могу рассказать. Про Дорогу жизни, про Ржевский полигон, про пороховые погреба. А про Ковалёвский лес – нет. Даже дома не рассказывал...» Но мы вернулись к теме через несколько дней. Потому что оба хотим, чтобы соотечественники помнили о красном терроре, о том, что такое тоталитарное государство. И, конечно, о поэте, в которого влюбляешься в юности и к которому возвращаешься в зрелые годы, чтобы ощутить жажду открытий конквистадора, прокатиться на заблудившемся трамвае, провести смычком по струнам волшебной скрипки...

«За рекой рядом с моим домом раскинулся огромный Ржевский полигон, один из самых знаменитых полигонов как царской России, так и времён СССР, – пишет Михаил Иванов. – Основан он в 1854 году. На его территории в 740 квадратных километров проводились испытания артиллерийских установок, в том числе морской артиллерии, снарядов, брони, железобетонных укреплений, систем реактивной артиллерии, ракетных двигателей. Но ещё в 1715 году на реке Охте возле устья реки Луппы построили пороховые мельницы, а для хранения их продукции – пороховые погреба. Каждый из них представляет собой полукольцевой земляной вал со строением в центре, чтобы при взрыве ударная волна ушла вверх.

После революции 1917-го, когда громыла гражданская война, новая власть разбиралась с инакомыслящими. Красный террор начался и обрёл размах именно в Петрограде, который в то время был столицей. Поэтому в городе и ближайших пригородах с этой трагической страницей истории страны связано немало памятных мест. Одним из них стал Ковалёвский лес. От Ржевского полигона он отделён рекой Лубьей (бывшая Луппа) и прижат к Рябовскому шоссе, которое в 1941-м, во время блокады Ленинграда, назвали Дорогой жизни. А в 1918–1921 годах рядом на территории 164 гектаров были уничтожены и захоронены 4500–5000 человек. Точной цифры мы никогда не узнаем. Часть архивов уничтожена, а кроме того, многих казнили по решению «троек» без суда. До исполнения приговора заключённых содержали в накопителе – бывшем пороховом погребе.

Зимой 1921–1922 расстрельное место во имя конспирации перенесли подальше от города. И уже в 1922 году Ковалёвский лес стал местом паломничества. Люди пытались узнать судьбу своих пропавших близких, найти могилы. Но лес ответил тишиной.

Предположительно, в районе арсенала Ржевского полигона, у изгиба реки Лубьи, был расстрелян и Николай Степанович Гумилев. Но это может оказаться и Бернгардовка во Всеволожске, и глухая местность за пороховыми складами недалеко от железнодорожной станции «Лисий Нос». Анна Ахматова считала, что казнь была на окраине Петрограда, там, где сегодня – кварталы массовой застройки, район Ржевка-Пороховые...

Как бы то ни было, Ковалёвский лес – место, где чтят память невинно убиенных. За последние двадцать лет исследователи вскрыли несколько расстрельных ям, убедились, что там останки со следами переломов и пулевых ранений, закопали снова. Историки предполагают, что здесь лежат не только осуждённые по «Делу Таганцева», но и участники Кронштадтского восстания, и жертвы сталинских репрессий. Разработан проект музейно-мемориального комплекса «Ковалёвский лес».

Сейчас это памятное место открыто для посещения. У шоссе, идущего со стороны Всеволожска, организован карман-стоянка. А ещё можно со стороны железнодорожной станции «Ржевка» пройти пешком по Дороге жизни до мемориала «Цветок жизни» и кургана «Дневник Тани Савичевой», затем по тропинке свернуть в лес. Лес смерти...

Мой друг по-прежнему не говорит о своих чувствах, да они и так понятны. «Давай покажу фото. Просто лес. Просто тропинка. И мини-мемориалы вдоль новой Центральной аллеи...» А ещё на фотографиях – Поляна Таганцева, часовня в память о жертвах красного террора около старинного краснокирпичного порохового погреба и скромный мемориал Гумилёва.

✍ Михаил Иванов,
✍ Елена Лещинская

Мемориал Николая Гумилёва

Мемориал «Цветок»

Двор порохового погреба

© Михаил Иванов

Поэзия

Справка «ММ»

Нэмир Моисеевич Голланд (1929–2003) – поэт, основатель магнитогорского городского литературно-общественного объединения «Красное солнышко». Автор книги стихов «Тяготение» (1968, 12+) и поэтического сборника «Последний чибис» (2005, 12+), которым открылась книжная серия «Литература Магнитки. Избранное» под патронажем «Магнитогорского металла».

Нэмир Голланд

В 1930-е годы родители Голланда переехали из Казани в Магнитогорск. В 1946 году Нэмир поступил в Уральский государственный университет, но через год судьба сделала крутой поворот: юношу осудили на семь лет лишения свободы и отправили на строительство Трансмонгольской магистрали. В 1953-м Нэмира Голланда освободили со снятием судимости. Он вернулся в Магнитогорск, стал членом литобъединения Константина Нефедьева. Наряду с поэзией занимался живописью и передал любовь к ней своему сыну Григорию Голланду (1955–2002), ставшему художником-авангардистом.

В 1964 году Нэмир Моисеевич создал и возглавил альтернативное литобъединение «Красное солнышко». В 1970 году закончил факультет русского языка и литературы Магнитогорского пединститута, но жизнь связал с ММК. Скончался в 2003 году в Магнитогорске.

✍ Нэмир Голланд

«И звонкий смех, и чистая слеза»

Быть может, это было в детстве ясно,
Сейчас припомнить, право, не могу.
Стоял тогда счастливым и безгласным
На солнечном песчаном берегу.

За ивняком – оранжевые сосны
Стремилась хвоей солнце удержать.
И мне, с моим характером несносным,
Хотелось буйствовать и, хохоча, бежать.

А жуки хлопали хвостами, словно пушки,
Стрекозы рассекали жёлтый зной,
Похрустывали хрупкие ракушки,
Да гул стоял незримый, навесной.

Горланили далёко плотогоны,
И шлёпал плицами невидимый буксир.
Так исподволь мозгуче, неуклонно
В меня вливался бесконечный мир.

И это беспредельное приемля,
Велик душою – ростом невысок,
Я падал, обессиленный, на землю,
На влажный и пружинящий песок,
Чтоб в свете предзакатного сиянья,

Нашуаваши связующую нить,
С Землёй и с Небом мощное слиянье
В своей душе навеки сохранить.

А ветка и упруга, и тонка.
Она в руке счастливого умельца,
Отведав нож, ударит в три звонка,
И запоёт податливое тельце.

О простенький мальчишеский свисток!..
О жалкая пастушеская дудка!..
Весною вздрогнет синий лепесток,
И приподымет стебель незабудка.

Я не могу свирелью пренебречь,
Сработанной умельчи руками.
Хочу в себе всё лишнее отсечь,
Оставив только ласковое пламя.
Поэзии зелёная лоза –
И звонкий смех, и чистая слеза.

Бронзовое лето

Какое бронзовое лето
Сегодня утром началось!
Желанны солнечному свету
Листва и прядь твоих волос.

Как жарко остывает блузка
В изгибе медном на груди!..
Как сухостой нежданно хрустнул,
Как много сосен впереди!

А ночью – ночью ветер плачет
В смолистых бронзовых ветвях...
И стынёт бронзовая дача
С огнём в двустворчатых дверях.

Ледоход

...Попробуй-ка пройди сторонкою,
Попробуй сердцем промолчи,
Когда к тебе капелью звонкою
Уже подобраны ключи!

И там, где горизонта линию
Река стремится пересечь,
Смешавши белое и синее, –
Рванёт апрельская картечь!

Старый музыкант

Один в огромном и пустынном зале,
Заполненном упругой тишиной,
Склоняясь в последней схватке над роялем,
Он повернулся к прошлому спиной.

Но не придут изысканные звуки.
Где юность и упругих пальцев сталь? –
Дрожат в манжетах старческие руки.
Рычит, ослабив клавиши, рояль...

Снегири

Сегодня здесь толпятся снегири.
Как будто шёл и позабыл прохожий
Собрать лоскутья розовой зари,
А лоскуток – назло морозу – ожил.
Сегодня здесь толпятся снегири.

И сердце гложет зависть к этим птицам.
Среди зимы – теплая поводыри,
Они в груди несут его частицу.

Здравствуй, жаворонок серый!..
Слышишь ли меня?
С необъятной песней-верой
В неизбежность дня –

Не велишь мне петь бездумно,
На крылах скользая.
Можно быть полезным, умным,
А пустым – нельзя.

Только знаю, что весною
Я не устою.
Стукнет сердце, грудь занеет –
Запою!

...А на заре вовсю сигналият
Оранжевые трубачи.
И в сердце тихо тает наледь,
И – просветлённое – стучит.

Я вьвьсь вытягиваю руку –
И мне в открытую ладонь
Сквозь немоту и сквозь разлуку
Струится радостный огонь.

Гроза

В мембраны листьев звенькает тоска
Ударами округло-длинных капель.
А через небо остро проскакал
Густой грозы молниеносный скальпель.
Гроза и ливень. Ливень в три ручья.
Оттуда! Сверху – тёмные потоки.
И в свете молний мечется ничья
На вёслах лодка в узенькой протоке.
В мембранах листьев грозовой разряд
Зелёным трепетом мгновенно отдаётся...
Гроза и ливень. Два часа подряд.
А солнце – там, за тучами – смеётся.